

Глава 27. Повеса и бедный книжник

Чэн Янь на несколько секунд опешил, но тут же расплылся в широкой улыбке, пытаясь обратить всё в шутку:

— С чего ты взял? Неужто я выгляжу как человек, который мастерски скрывает свои таланты?

Чу Ван смерил его бесстрастным взглядом, после чего перевёл взор на парту:

— Я видел, как ты писал. Ты правильно держишь кисть, и рука твоя идёт уверенно и плавно. Человек, не знающий грамоты, так не сможет.

На его столе всё ещё лежала раскрытая бухгалтерская книга, которую хозяин не успел спрятать. Юноша удивлённо приподнял бровь, но в своей манере парировал:

— Не ожидал, что первый талант нашего класса вместо того, чтобы внимательно слушать учителя, будет подглядывать за моими скромными трудами.

Чу Ван поджал губы, пропуская колкость мимо ушей.

— Раз уж ты умеешь писать, — отрезал он, — то и задания впредь выполняй сам.

Чэн Янь тут же страдальчески взвыл:

— Ну нет! Ты посмотри на мои иероглифы. Разве наставник разберёт хоть слово?

Он буквально всучил раскрытую книгу собеседнику. Тот гневно сверкнул глазами, но всё же заглянул в записи. Спустя мгновение юноша замер, ведя пальцем по строчкам:

— Что это за знаки?.. Почему они такие... куцые? Будто им рук и ног не хватает!

Чэн Янь невозмутимо отозвался:

— Вот видишь. Я же говорю: грамоте не обучен, вот и мараю бумагу как бог на душу положит.

Чу Ван нутром чуял, что тот лжёт, но, глядя на странные символы в книге, не мог поверить, что его товарищ намеренно выдумывает столь причудливые ошибки.

Сам же «автор» ничуть не боялся, что его разоблачат. Ну и что, если Чу Ван видит упрощённые иероглифы? Пусть считает их плодом безграмотности.

Помолчав, Чу Ван произнёс:

— Ты ведь умён, схватываешь всё на лету. Стоит тебе приложить хоть немного усилий к учению, и ты добьёшься успеха.

— Но я не хочу учиться! — решительно заявил Чэн Янь. — Грызть гранит науки — занятие неблагодарное и тяжкое. Если бы я выказал хоть каплю рвения, отец упёк бы меня в академию ещё в детстве, как моего младшего брата. И тогда прощай, весёлая жизнь!

— Ты!.. — Чу Ван едва не задохнулся от возмущения. Захлопнув книгу, он швырнул её обратно.

Он искренне не понимал этого... этого несносного прожигателя жизни. У человека есть все возможности, чтобы получить образование, — почему же он так упорно ими пренебрегает?

Видя, что собеседник всерьёз рассердился, Чэн Янь подался вперёд и поспешил оправдаться:

— Пойми, я всё это делаю ради семейного дела. Смотри сам: в науках я не силён, поэтому отец позволил мне заняться бухгалтерией. Скоро всё управление ресторанами перейдёт в мои руки, и я начну загребать золото лопатой!

— Деньги никогда не будут важнее знаний! — в сердцах воскликнул Чу Ван.

Чэн Янь посмотрел на него с невинным видом:

— Разумеется, важны и знания. Но скажи на милость: разве без денег у тебя была бы возможность учиться?

И в этом была сермяжная правда.

Юноша, которого нищета заставила батрачить на одноклассника, ощутил укол в самое сердце. Он перестал спорить. Он не был похож на тех заносчивых книжников, что свысока взирали на пропахших медью торговцев. Чу Ван действительно нуждался в средствах и был готов браться за любой честный труд, поэтому он знал цену каждой монете.

— Когда ты собираешься выплатить мне вознаграждение за уроки? — спросил он.

Чэн Янь ответил без тени сомнения:

— Совсем скоро! Я вот-вот получу свою первую прибыль.

Тот лишь скептически прищурился, сочтя это очередным пустым обещанием.

Маленький дурачок

Спустя день Чэн Янь закончил описание нового метода ведения учёта, снабдив его наглядными примерами.

Удивительно, но Чэн Цайцзюнь, чьи познания в каллиграфии были немногим выше сыновних, умудрился — где интуитивно, а где по смыслу — разобрать упрощённое письмо. Он даже восторженно провозгласил: «Сын мой изобрёл новый, более быстрый и лёгкий стиль письма!» Испуганный юноша тут же зажал отцу рот, пресекая подобные опасные речи.

Метод оказался действительно эффективным. Чэн Цайцзюнь сдержал слово и позволил сыну заняться закупками для ресторана. И пусть подчинённые гадали, какая муха укусила молодого господина, приказы хозяина они исполняли беспрекословно.

Свободного времени у Чэн Яня было в обрез — только раннее утро перед занятиями и вечер после возвращения. Однако рассветные часы идеально подходили для приёмки продуктов, и он лично наблюдал за процессом, вникая в детали. Вечером же, когда рабочий день подходил к концу, он вместе с управляющим сводил баланс и определял объёмы закупок на завтра.

Сначала все думали, что наследник просто тешится и скоро остынет. Но молодой человек раз за разом давал на удивление точные советы, идеально рассчитывая количество необходимых ингредиентов. А когда до персонала дошли слухи, что новая система учёта — тоже его рук дело, отношение к нему мгновенно изменилось. Управляющий проникся к нему искренним уважением.

«Хорошо, что я загрузил достаточно справочных материалов! — думал Чэн Янь. — Пусть я не ресторатор, зато могу построить математическую модель и всё рассчитать!»

До Чэн Цайцзюня то и дело доносились похвалы в адрес сына. Сначала он думал, что слуги просто льстят, желая выслужиться, но вскоре понял: его первенец действительно изменился. Юноша перестал пропадать в притонах и взялся за ум. Глядя на него, старый купец не мог нарадоваться.

К концу месяца Чэн Янь уже фактически полностью контролировал закупки, принимая окончательные решения. Именно тогда он и пришёл к отцу за жалованьем.

Чэн Цайцзюнь на радостях велел ему идти к наложнице Хуа и брать из казны столько, сколько потребуется.

Чэн Янь, светясь от счастья, так и поступил. Наложница Хуа, снедаемая злобой, лишь бессильно терзала в руках шёлковый платок. Ей оставалось только уповать на то, что Чэн Цзинь будет прилежно учиться в академии и когда-нибудь взлетит выше облаков.

Старший брат догадывался о её чувствах, но не придавал им значения. А что касается «усердия» Чэн Цзиня... это знал только он сам.

Получив деньги, Чэн Янь в первый же выходной отправился в лавку письменных принадлежностей.

Уезд Битань был невелик, но через него всегда проходило множество людей — он удачно располагался на пересечении торговых путей. К тому же слава академии Битань гремела по всему округу Цанбэй, привлекая множество учеников. Атмосфера просвещения способствовала процветанию книжных и писчих лавок.

Покопавшись в памяти прежнего владельца тела, юноша понял, что тот никогда не заглядывал в подобные места.

Едва он переступил порог, расторопный приказчик тут же подлетел к нему с заискивающей улыбкой:

— Молодой господин Чэн! Желаете что-то приобрести?

— Покажи мне самую лучшую и дорогую кисть, что у вас есть! — с пафосом истинного богача скомандовал Чэн Янь.

Работник лавки просиял и поспешно повёл гостя вглубь. Он извлёк из-за прилавка запертый лакированный футляр, бережно отпер его ключом и таинственно прошептал:

— Эта кисть из шерсти колонка, по слухам, сохранилась ещё с позапрошлой династии. Её нашли лишь в прошлом месяце. Отдам за пять... — он выразительно растопырил пять пальцев.

Чэн Янь онемел.

«Это что же, они тут антиквариатом приторговывают?»

— Пятьсот лянов? — наугад бросил он.

Продавец картинно ужаснулся:

— Побойтесь неба! Пятьдесят тысяч! И это только по старой дружбе, лично для вас, господин

Чэн!

Юноша взглянул на кисть — та и впрямь выглядела так, будто её только что выкопали из земли. Брежгливо поморщившись, он махнул рукой:

— Избавь меня от этого. Слишком грязная. Мне нужно что-нибудь поновее.

Приказчик с разочарованным вздохом убрал футляр на место. Однако упускать такого жирного клиента он не собирался — даже с кистей подешевле капали неплохие комиссионные.

Пока Чэн Янь придирчиво осматривал товар, работник тут же принялся заливать себя соловьём, сыпля цитатами из классиков и демонстрируя такие глубокие познания, что невольно верилось: уезд Битань — действительно край скрытых талантов. Покупателю было недосуг слушать лесть. Он сам осматривал витрины, пока его внимание не привлекла кисть в бамбуковой оправе с искусной резьбой.

— Вот эту покажи.

Тот мгновенно поднёс её на подносе:

— Оцените, господин Чэн! Эта кисть создана из отборной заячьей шерсти с добавлением козьего пуха. В меру упругая, в меру мягкая, кончик острый, как жало, а основание податливое. Прослужит вечность! И оправка из лучшего бамбука, посмотрите только на этот узор...

— Ладно, — нетерпеливо оборвал его Чэн Янь. — Сколько стоит? Заворачивай.

— Всего двести лянов! — приказчик так и лучился услужливостью.

Юноша даже глазом не моргнул, выкладывая деньги.

— Упакуй покрасивее, — бросил он напоследок.

— Будет исполнено в лучшем виде! — приказчик расплылся в улыбке, кивая, точно курица, клюющая зерно.

Забрав покупку, Чэн Янь, не дожидаясь сумерек, отправился обратно в академию. Благодаря ежедневным упражнениям и двойному подъёму на гору, он наконец-то мог дойти до ворот учебного заведения без одышки и с вполне приличным цветом лица.

Несмотря на выходной, в академии было многолюдно. Завтра предстоял Юэши, и слухи о том, что глава округа пришлёт своих людей для проверки, будоражили умы. Все честолобивые ученики обложились книгами, пытаясь в последний момент наверстать упущенное.

Чэн Янь не питал иллюзий насчёт своих академических успехов, но в академию вернулся вовремя.

На днях Чэн Цзинь через отца пытался убедить его пропустить экзамен — дескать, нечего позориться перед высокими чинами и гневить главу округа своим невежеством. Чэн Цайцзюнь даже всерьёз подумывал разрешить старшему сыну сказаться больным.

Однако Чэн Янь твёрдо заявил, что он — часть класса Цзя, и такое важное событие, как Юэши, пропустить никак не может. Игнорируя протесты отца, он упрямо ушёл на гору.

Юноша неспешно шёл к классу, когда дорогу ему преградил некто, окликнувший его:

— Старший брат!

Этот тон, пропитанный неохотой и скрытым раздражением, Чэн Яню даже не нужно было узнавать — он и так знал, кто перед ним. Обернувшись, он посмотрел на Чэн Цзиня.

Увидев лицо брата, он на миг опешил.

Тот выглядел просто ужасно: мертвенно-бледный, с тёмными кругами под глазами и лопнувшими сосудами в белках. Весь его вид буквально кричал о бессонных ночах и изнурительной зубрёжке.

Спустя пару секунд Чэн Янь пришёл в себя и усмехнулся:

— Смотрю, ты совсем себя не жалеешь, второй брат. Беречь надо здоровье, а то как бы ты не слёг ещё до начала экзаменов.

Чэн Цзинь сверлил его тяжёлым взглядом. От этого взора, полного красных прожилок, старшему брату стало не по себе.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Чэн Цзинь глухо произнёс:

— Брат... Тот уговор, о котором ты говорил раньше... Он всё ещё в силе?